

Для истинных творений нет времени.
Они недвижны в красоте своей.

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

ТРУДНО ПОВЕРИТЬ, что Тимуре Зульфикарову 70 лет. Хотя, если вспомнить притчи дервиша Ходжи Зульфикара, то и тысячелетие за его спиной не удивишься. После встреч с ним долго чудится его улыбка. Простота, даже некоторая наивность, особо заметные в его отношениях с критикой, как-то не вяжутся с прагматичным нашим временем. О таких, как он, Блок сказал: "Не критик, потому что художник". Ему, лишенному даже намека на зависть и оттого искренне поющему хвалу своим товарищам по цеху, присуща чрезвычайно высокая самооценка. Он далеко не безразличен к славе, к тому, что о нем пишут и говорят. Но ее лучи не греют его. Восторженное приятие в весьма узком кругу знатоков и незнание его сочинений даже "просвещенной" читающей публикой — вот на сегодняшний день его положение в русской литературе. Маститые критики, пишущие о нем, обычно касаются менее десятой части его главных творений. Потому не стоит удивляться несоответствию между тем, что создано поэтом за почти пятьдесят лет служения русской словесности, и степени его известности даже среди читающих гуманитариев. Поздравляя Тимура с 70-летием, уверена, что время, справедливый судья, все расставит по своим местам.

70-летие — пора, когда можно начать подводить итоги. Что стоит за Тимуром сегодня? Полторы тысячи избранных стихов, где слову дана его изначальная сила и свежесть, где работают не только мелодика, ритм и размер, но и рисунок строк. Эпические поэмы, в которых история и легенды народов Средней Азии и Руси, с их верованиями и обычаями, их тиранами, святыми, дервишами и юродивыми, согреты сердцем поэта, создали свой особый, ни на кого не похожий мир. Притчи дервишей, бродящих по земле, — известного Ходжи Насреддина и обывавшегося в наше время, но тоже с доброй усмешкой взвизгивающего на людей Ходжи Зульфикара. Песни, созданные вместе с мелодиями, кажушиеся в сравнении со стихами неожиданными простыми, даже мелодраматичными, как русские романсы XIX-XX веков. Все эти, по-новому осмысленные жанры, имеют свой язык, стиль, этику и эстетику. Вхождение в мир поэта требует от читателя немалого труда, который окупается сторицей, даруя радость открытий, наслаждение музыкой слова. Оценивая свое творчество по самым высоким меркам, Тимур не разменивается по мелочам. Он — дервиш, "лазоревого странника" не только в своих притчах, но и в реальном существовании: ни конъюнктура, ни мода, ни советы "знатоков" не в состоянии повлиять на раз им избранный путь.

В день, когда 35-летний Зульфикаров завершил "Книгу смерти Амира Тимура", в русской литературе появился ни на кого не похожий дотоле поэт. Поражали не только глу-

бина постижения духа Востока и пристрастие к своему герою, основателю династии Тимуридов, одному из самых удачливых и кровавых полководцев Средней Азии, не только художественное осмысление сути деспотической власти, разлагающей вместе с подданными и ее носителя, но новизна формы и стиля. Решенная как предсмертная исповедь эмира Тимура, книга написана экспрессивно-окрашенным свободным стихом (vers libre), как до того писались псалмы, молитвы, притчи. С тех пор уткло много воды. Изменились окружающий мир, идеология, отношение к печатному слову. Зульфикаров сочинил тома поэзии, но счастливо найденная им в книге об эмире Тимуре форма свободного стиха главенствует в его про-

ТИМУР

Фото В.АЛЕКСАНДРОВА

изведениях. Поэта Тимура не спутаешь ни с кем. Он — новатор во всем. И потому — всегда на особицу, даже если его путь рядом.

Высота эмоционального накала событий и чувств героев его сочинений сродни библейским притчам и трагедиям античности. Вчитавшись в его книги, приняв их изобразительный строй, испытываешь наслаждение, как при слушании хорошей музыки, лицезрении природы и творений человеческого гения. Да и рожденное ими наваждение так же долго не отпускает тебя. Но чуда здесь нет. Вернее, творят его добро и любовь, героика этих чувств. "В душе каждого человека живет царь и раб. Наша литература слишком долго живописала раба, я хочу пробудить царя в суетной душе моего угнетенного плотью современника", — так заявляет он. И это — движитель всех его сочинений, от ранних светло-печальных книг, таких, как "Книга детства Мушфики" и "Первая любовь Ходжи Насреддина", до последнего неистового романа-мифа "Коралловая эфа". Недаром эпиграфом к этому роману Тимур сделал надпись из древнеегипетского папируса: "Добро ярче изумруда в черной руке раба..."

Интерес широкой публики к поэту Зульфикарову в последние годы явно возрос. А "виной" тому, как ни грустно признаваться в том в виду всего его творчества, стали песни. Песни, которые для души, он писал всегда, которые для друзей с удовольствием пел своим выразительным негромким голосом. Созданные на вечные темы жизни и смерти, дружбы, любви и сыновней приязни к малой и большой Родине, эти песни западают в душу, печат отчаяние, пробуждают добрые чувства. Мелодии к ним, сочиненные чутко слышащим гармонию поэтом, усиливают их воздействие, рождая тот синтез слова и музыки, что так ценил Георгий Свиридов. Однако без исполнителя, который мог бы петь их для публики, они оставались вещью в себе, никак не влияющей на общественное лицо автора. Но пять лет назад рядом с Тимуром оказалась актриса Ирина Дмитриева-Ван, которая посвятила свой талант исполнению его песен. Это явно улучшило ситуацию, хотя до подобающей их уровню известности и в этой области его творчества еще далеко.

В Литературном музее Льва Николаевича Толстого, что на Пречистенке, 17 августа, в день юбилея, в 16 часов пройдет встреча Тимура Зульфикарова с коллегами и читателями. Там же будет развернута выставка книг, созданных им за без малого пять десятилетий. Вместе с пожеланиями здоровья, долгих лет жизни и радости творчества эти краткие заметки закончу словами из его же недавней песни, которые весьма подходят этому случаю:

Дастархан мой еще не свернулся
Я у горной реки загулял средь друзей
Среди них были те, кто оттуда вернулся
Чтобы мы обнялись хоть на миг на земле.

Елена АНТОНОВА

РУСЬ В ТРАВАХ

Здесь всякий лес — сад Гефсиманский
Здесь всякий холм — Голгофа
Здесь всякая тропинка — Via Dolorosa
Здесь всякая вдова с геранью у окна в заброшенной святой избе
Заплаканная полевая иззяная заботливая улыбчивая блаженная
Ивовая Богоматерь

Здесь всякий странник бездомник бесприютник нищий рваный полевик
Полевой прохожий яблочный медовый Спас Иисус

Здесь всякий старец весь в седирах объятый серебром живым
Безмолвник в ветхостном скиту — Бог

Здесь всякая берёза на ветру — грядущий волнующийся Крест...

ПЕСНЯ

Ах золотую осенью я пойду побреду
по святой забытой травяной святоотеческой Руси Руси Руси
Где поют свою прощальную херувимскую песнь золотые шмели в золотых
овсах
Ах там в забытых деревнях ах там в забытых избах да с засохшей невинной
геранью
Ах там лежат в похоронных гробных ситцевых платицах
ах там ворожат засохшие наши старухи в рубашках-саванах

С брусничными кормильными материнскими картофельными усопшими
руками
И некому их отпеть оплакать похоронить
Ах Русь! Ах Святая Русь!
Ах усыпальница страна непохороненных неотпетых неоплаканых бабусь!
Ах Русь!

Страна где пьяные охотники стреляют в удивленных журавлей
Страна где брошенные дети жарят на кострах больных ворон
А потом от одиночества сиротства
бросаются склоняются смиряются бредут навек под слепые поезда

Страна где пьяный лицедей в Кремле
Пьет кровь младенцев из несбывшихся абортных матерей
Ей! Ей! Гой! Русь роддом неуродившихся детей!
Гой Гой Гой! Гей!

Гой Русь! Страна непохороненных старух бабусь да неродившихся детей
Гой Русь! Страна восставших восходящих восстающих золотых летучих
церквей
Ах вместо ржи! вместо пшеницы! вместо золотого овса!
вместо златых шмелей! вместо самой жизни

Ах свято восстают ах поднимаются над опустевшей Русью церкви купола
колосья золотые золотые золотые

Ах ледяные
Ах золотые золотые золотые сироты святые
Ах для кого ж вы золотые золотые золотые
Ах золотые

Завтра. — 2006 — (133) авг. — с. 8.

ПЛАЧ

Размахалась смерть косою
Над моею головою...
Ай размахалась, разгулялась, разыгралась...

А мне не жаль головушки моей,
А мне жаль заброшенных полей,
А мне жаль подкошенных церквей,
А мне жаль некошенных лугов,
А мне жаль зарубленных лесов,
А мне жаль сирот да стариков,
А мне жаль блудливых обреченных городов...

Ах, мне не жаль головушки серебряной моей,
А мне жаль упавших оземь деревень,
Где последняя старуха штопает плетень...

А Русь-матушка уходит в сонь-травушку,
А Русь-матушка стала сонь-травушка
А мне не жаль головушки серебряной моей...

Ай, размахалась смерть косою
Над Россией, над Святой,
Ах, размахалась, разыгралась,
ай далече расплескалась, разгулялась...

ОРЁЛ

Орёл витает высоко над заснеженными горами и зоркооко видит всё.
Но молчит.

Будь, как высокогорный орёл, и зоркооко молчи!
Но! Я вижу всю Русь одинокую, умученную
пришлыми и нутряными переимчивыми бесами

Я вижу одинокую старуху кротко умирающую под засохшими геранями
в заброшенной святой деревне

И кто утешит, отпоёт Её?
Брат мой зоркоокий, а ведь это твоя мать.
И что ж я молчу, как орёл?

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Пока в мокрых святых сиренях поют рыдают мокрые соловьи
Пойдём мой друг в сирени мокрые пойдём мой друг
к дождливым мокрым соловьям

Да выпьем из старинных хрусталей древнего
дремучего златистого колосистого вина вина вина
Пойдем мой друг прижмемся к сиреням мокрым да к прозрачным соловьям
Блаженно там там там...